

НОЭЛЬ ФИЦПАТРИК

СЛУШАЯ ЖИВОТНЫХ

история ветеринара, который продал
«Астон Мартин», чтобы спасти жизни

Супервет. Невероятные истории о животных и их спасителях

Ноэль Фицпатрик

**Слушая животных. История
ветеринара, который продал Астон
Мартин, чтобы спасти жизни**

«ЭКСМО»

2020

Фицпатрик Н.

Слушая животных. История ветеринара, который продал Астон Мартин, чтобы спасти жизни / Н. Фицпатрик — «Эксмо», 2020 — (Супервет. Невероятные истории о животных и их спасителях)

ISBN 978-5-04-105555-4

Ноэль Фицпатрик вырос на ферме в Ирландии, ухаживая за скотом и обрабатывая землю. Пережив, благодаря поддержке любимого пса, травлю в школе, и роковую ночь, когда Ноэль не смог спасти двух новорожденных ягнят, он обрел мечту – лечить животных как самый настоящий супергерой. За годы тяжелой работы, переездов и бесчисленного количества исследований, он как никогда приблизился к исполнению своей мечты, – став Суперветом. Сегодня Ноэль Фицпатрик – создатель множества инновационных методик протезирования, звезда телеканала Channel 4 с телесериалом The Supervet, а также основатель двух клиник для животных. Но он все также проповедует любовь к животным и людям, развивая концепцию Единой медицины, в которой «человеческие» и «животные» врачи обмениваются опытом, технологиями, достижениями во благо всех. Его мемуары – это невероятная история о том, как самый обычный человек, не обладая ничем, кроме страстного желания помогать животным, способен изменить этот мир. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-04-105555-4

© Фицпатрик Н., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

1. Ягненок	6
Рождение Супервета	6
2. Коровы, овцы и земля	10
Мой отец Шон Фицпатрик	10
3. Малиновка и каштан	20
Детство в Баллифине	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ноэль Фитцпатрик
Слушая животных: история
ветеринара, который продал Астон
Мартин, чтобы спасти жизни

*Посвящается всем животным и людям, вдохновлявшим,
любившим и считавшим меня своим другом.*

Ноэль Фицпатрик

1. Ягненок

Рождение Супервета

Макрельные полосы яркой морозной луны прорезали облака и пробивались сквозь расписанное замерзшими каракулями окно моей спальни. Узкая шаткая кровать с очень тонким матрасом на еще более тонких пружинах скрипела при каждом движении, поэтому я изо всех сил старался не шевелиться. Моя спальня была одной из пяти в старом каменном фермерском доме, причем самой дальней от каминного дымохода, поэтому здесь было так холодно, что можно было написать свое имя на заиндевелом окне. Если бы во сне ваша нога свесилась с кровати, проснувшись среди ночи от холода, вы бы подумали, что ее отрубили. И все же здесь было теплее, чем на улице. За плинтусом поселилось семейство мышей. Они прогрызли большую дыру в обоях в цветочек. Мама поставила мышеловку, но я не мог вынести мысли о том, что, поднявшись утром, обнаружу в ней мертвого мышонка, поэтому каждый вечер накрывал ее футболкой.

Когда зазвонил будильник, мне показалось, что я только что заснул. Этот старый большой бело-зеленый металлический громко тикающий будильник я ненавидел. И по сей день я не выношу его трезвона. Я закутывал его в очередную футболку, чтобы хоть как-то приглушить эти звуки, но унять яростный перезвон двух колокольчиков с маленьким молоточком наверху было просто невозможно. Надо было вставать и идти к овцам. Все это происходило в 1978 году, когда мне было десять лет. Весной появлялись ягнята, поэтому утреннюю смену всегда брал на себя папа, а мне доставалась ночная, с часу или двух часов – неудивительно, что я на всю жизнь остался «совой». Если про меня что-то можно сказать определенно, так это то, что я не «жаворонок».

В 70-е годы в местечке Баллифин, что в графстве Лиишь в Ирландии, рождение ягнят обычно происходило на открытом воздухе. По крайней мере, на ферме Шона Фицпатрика, моего отца, это было именно так. В сарае не хватало места, чтобы разместить там всех овец, которые должны были ягниться. Только после появления ягненка или если мы понимали, что он вот-вот родится на свет, овцу вводили в сарай. Естественно, это было трудно точно определить, и порой ягнята рождались прямо в поле.

Я вылез из уюта своей скрипучей кровати в холодную темноту. Узкие лучики лунного света, как тонкие льдинки, впились мне в ноги. Было так холодно, что я оделся очень быстро: натянул старый джемпер прямо на клетчатую пижаму, поверх надел утепленную зеленую куртку, сразу же накинув шерстяной капюшон на взъерошенные волосы. Штаны были слишком велики – они достались мне от старшего брата. Мне часто представлялось, что я примерз к месту и превратился в ледяную глыбу, как будто на меня обрушилась ледяная лава из морозного вулкана. Выбравшись за желтую дверь моей спальни, на которой и по сей день висит маленькая фарфоровая табличка с надписью «Личное пространство», я нашарил на стене два кольца с ключами и выбрал одно, с маленьким солдатиком. Вот как я себя ощущал: маленький ягнячий солдат. Спустившись на кухню, я подошел к двери, сунул тощие босые ноги в огромные резиновые сапоги и шагнул в непроглядную тьму.

Февральский мороз сковал поля. Стояла полная тишина, нарушаемая лишь редким приглушенным блеяньем овец, которые то просыпались, то снова погружались в дрему, да негромким шорохом ягнят, скользящих по замерзшей траве в поисках материнского вымени.

В лунном свете я принялся пересчитывать овец: пятьдесят семь. Где же пятьдесят восьмая?

Чертыхаясь, я побрел осматривать канавы. Поля, окруженные вдоль живой изгороди глубокими дренажными рвами, были плохо приспособлены для овцеводства, но в те времена именно так и было. Лишь через много лет ягнята стали появляться на свет в сараях, застеленных соломой. Вот это роскошь!

Примерно через двадцать минут такого субарктического путешествия я нашел пропавшую овцу на дне глубокой дренажной канавы. Она тонула в ледяной воде, из последних сил удерживая голову над поверхностью, полумертвая от усталости и родовых мук. Даже в таком юном возрасте я уже несколько лет имел дело с ягнением овец и вполне мог бы помочь этой бедолаге. Но я не представлял, как вытащить ее из канавы глубиной четыре-пять футов, поэтому просто соскользнул в ледяную грязь и оказался рядом с ней. Нижняя часть ее тела была погружена в воду, поэтому я закатал рукава, погрузился в холодную воду и засунул свою маленькую руку в родовой канал. Сочетание морозного холода и теплой влаги родового канала было поразительным. Ягненок застрял. Его голова была опущена перед входом в тазовое пространство, и одна ножка была направлена в сторону моей руки. «Вот черт! Ну что за дерьмо!» В голове моей роилось столько запретных проклятий, что к следующей пятничной исповеди мне не пришлось изобретать несуществующие грехи: было в чем покаяться!

В этом возрасте я был мало в чем хорош. Честно говоря, я вообще ни в чем не был хорош, кроме как в помощи ягнящимся овцам. Я надавил на голову ягненка, чтобы он вернулся обратно в утробу. Это было не так уж трудно, потому что его мать окончательно обессилела и почти не сопротивлялась. Затем я подтолкнул вглубь переднюю ножку. Дело в том, что невозможно вывести в таз и родовой канал вторую ножку, сначала не вернув назад головку и первую ножку. Моя маленькая рука нащупала вдоль грудины вторую ножку и – опля! – обе маленькие ножки поднялись вверх, а нос ягненка оказался между ними. Я зафиксировал головку малыша между костяшками ножек и потянул по родовому каналу, пальцами второй руки придерживая головку с обеих сторон от глаз. «Давай, детка, давай!» И я потянул с такой силой, что отлетел назад и плюхнулся в ледяную воду канавы, прижимая к груди крохотную овечку.

Мокрый, скользя по грязи, я выкарабкался из рва и принялся откачивать новорожденную овечку. Раскачивая малышку за задние ножки, я похлопывал ее по груди при каждом взмахе. Я делал это много раз и, сколько себя помнил, всегда наблюдал, как это делает отец. Маленькой тростинкой я потыкал в ноздри ягненка, надеясь вызвать фырканье. Потом я прижался губами к ее ноздрям, высосал слизь, выплюнул на траву и подул ей в нос. Я продолжал делать ей искусственное дыхание, высасывая и сплевывая слизь, тыкал в ноздри тростинкой и хлопал по этой маленькой груди, но все было напрасно. Овечка была мертва. «Вот черт!» Теперь у меня было целых два греха к пятничной исповеди. Плюс ко всему я был жалким неудачником. «Проклятье!»

Стоя на коленях в траве, я смотрел то на мертвого ягненка, то на захлебывающуюся в канаве измученную овцу.

Меня ждал неминуемый разнос от отца, и его слова уже гремели у меня в ушах. Несомненно, это была моя вина. Во всем виноват я! Взяв себя в руки, я попытался вытащить несчастную овцу из канавы. Но она была совершенно обессилена и ничем мне не помогала. Я тянул ее за голову и передние ноги, но она не сдвинулась ни на дюйм. Тогда я попытался толкать ее сзади, чтобы она сама выбралась, но она, казалось, пыталась оттолкнуть меня. Оттолкнуть?! Черт, похоже, там еще один! Я сунул руку в родовой канал – и там действительно был ягненок. Он шел задом, и уже виден был хвостик. Мне нужно полностью развернуть его в ледяной воде или принимать как есть.

Я толкнул ягненка внутрь, и сразу же появились задние ножки. Правильно, малыш! Теперь давай! Я тянул как безумный, и вот крохотный ягненок выскочил мне прямо в руки. Мы выбрались из канавы, и на этот раз я не сплоховал. Все повторилось вновь: тростинка в ноздри,

раскачивание, отсасывание, сплевывание. Вдох, плевков... Да! Живой! «Ну же, малыш! Ну же! Давай, малыш, давай!» Еще несколько раскачиваний, и вот он уже дышит – по крайней мере, я услышал несколько вдохов. Меня ждала еще одна радость – овца начала выкарабкиваться из канавы. Я в третий раз соскользнул с глинистого берега, подтолкнул овцу, и она выскочила из рва, движимая отчаянным материнским инстинктом – скорее облизать своего новорожденного ягненка. Она так и сделала.

Мороз крепчал, и холод пробирал меня до костей. Я схватил ягненка и потащил его в относительно теплый сарай рядом с нашим домом. «Пошли, миссис! Ну, давай, миссис! Джин-джин-джин-джин... Ну же!» Кстати, я до сих пор не знаю, почему мы с отцом всегда так подзывали овец – «джин-джин-джин». Наверное, это какой-то древний овечий язык, дошедший до нас с пастушеских времен.

Я прошел уже полпути к дому, когда у меня вдруг подвернулась нога, я поскользнулся, и маленький ягненок вылетел из моих рук. Мать мгновенно кинулась к нему, отчаянно тыкаясь в него мордой. Мое лицо было в футе от малыша, когда он испустил последний легкий теплый выдох, затуманивший мои глаза. «Нет, нет, нет, нет, нет! Пожалуйста, Господи, нет!» – мысленно кричал я.

Ягненок был мертв. Овца посмотрела на меня большими растерянными глазами, потом перевела взгляд на ягненка и принялась отчаянно его лизать, пытаясь вернуть к жизни. Я дрожал от беспомощности, отчаяния и страха. Стоя на коленях, я раскачивался из стороны в сторону, наблюдая, как овца изо всех сил пытается вернуть к жизни скользкое безвольное тельце, которое с каждой секундой все больше холодело.

Упав на спину, я провалился в морозный туман, и ледяной воздух разрывал мое бешено колотящееся сердце. Я смотрел на холодные звезды, а слезы лились из глаз и замерзали на щеках. Я лежал и просто смотрел в эту бесконечность, неподвижный, одинокий и несчастный, а большая желтая луна смотрела на меня сверху вниз. Вся Вселенная была свидетелем моей никчемности и полной бесполезности. Несчастливая овца лежала рядом со мной, она тоже сдавалась.

* * *

С тех пор я много раз вспоминал свой отчаянный вопль, обращенный в холодное небо, – долгий, утробный мучительный крик. В моей памяти все это стоит так живо, будто случилось только вчера. Я нашел на небе самую яркую звезду и всем сердцем пожелал быть сильным, смелым, умным, опытным и могущественным. Но всего этого во мне не было, и я ощущал себя жалким и беспомощным.

Как оказалось позже, в жизни я не раз буду чувствовать себя точно так же, прикладывая все силы, но все равно теряя своих пациентов. Всю жизнь я пытался не быть бесполезным и спасти животных, вопреки всему стараясь обмануть смерть и сохранить свет в их глазах. Я все время старался быть лучше, чем был, и даже чем мечтал быть. Но это мне так и не удалось. До сих пор я чувствую, что недостаточно искусен, недостаточно силен и недостаточно умен.

Работая ветеринаром-хирургом, я стараюсь сохранить свет надежды в сердцах своих молодых коллег; в детях, для которых пытаюсь быть примером; в циниках и уставших людях, готовых сдать.

Я хочу научить всех слушать животных и друг друга.

Я верю в то, что все мы – звезды на небосклоне, ведь в глубине души мне все еще десять лет, и я до сих пор уверен, что, если каждый из нас принесет в мир частичку своего света, он станет лучше для нас и для всех животных.

* * *

Я доставил измученную овцу, лишившуюся обоих ягнят, в защищенный от ветра соломенный сарай и поплелся обратно в постель. Наверх я прокрадывался очень осторожно, надеясь не разбудить отца: все объяснения мне хотелось оставить до утра. В комнате я разыскал сухие носки и другой джемпер, залез в кровать и съежился под одеялом, растирая ступни, чтобы восстановить кровообращение после ледяной воды. Мое дыхание рисовало маленькие облачка пара в холодном воздухе. Мысль о предстоящем испытании подавляла меня, словно надо мной нависла неотвратимость Божьей кары в виде гигантской длани Господа, так что я едва мог дышать. Но я страдал не столько из-за того, что завтра скажу отцу, сколько из-за того, что с этой минуты будет мучить меня всю жизнь. Я ни за что не хотел вновь почувствовать свою беспомощность. Я отчаянно желал стать сильным и умным.

Заснуть мне никак не удавалось. В непроглядной тьме я потянулся за своим верным ночным спутником – старым транзистором Sony, который несколько месяцев назад извлек из кучи старого хлама и сделал ему антенну из проволочной вешалки. Я включил его, прижал к уху и начал настраивать в темноте, чтобы найти что-то, что поможет мне почувствовать себя не таким одиноким. Я медленно крутил черный пластиковый диск, но в приемнике было слышно лишь шипение, треск и снова шипение. И вдруг мою темную комнату заполнили нездешние звуки «Лестницы в небеса» группы Led Zeppelin. Я случайно наткнулся на «Радио Люксембург» (ныне не существующую пиратскую радиостанцию). Ничего подобного я не слышал ни до, ни после. Эта невероятная неземная мелодия перевернула мое сознание, показав безграничные возможности. Наконец-то я смог уснуть, во сне поднимаясь к звездам по своей собственной лестнице.

Спасибо тебе, безымянный ягненок, за то, что помог мне найти свою самую яркую звезду на небе. Благодаря тебе я однажды осознал свое место в мире. Да, у тебя не было имени, но именно ты помог мне обрести мое. В ту роковую ночь, которая определила дальнейший ход всей моей жизни, ты научил меня смирению и одновременно подвиг к самым высоким устремлениям.

2. Коровы, овцы и земля

Мой отец Шон Фицпатрик

Я сделал свой первый вдох в среду, 13 декабря 1967 года, примерно в семь вечера. Накануне вечером мой отец Шон отвез маму Риту в больницу округа Лиисх в Порт-Лиисхе и сразу же вернулся на ферму, чтобы присматривать за овцами и коровами. Роды были долгими и трудными. Свободных кроватей в больнице не было, и мама лежала на каталке в коридоре с вечера вторника до вечера среды, пока ее не перевели в родильное отделение. Доктор несколько раз подходил, похлопывал ее по животу и говорил: «Животик еще не готов, Рита, еще не пора». Мама рассказывала, что просила у проходившего мимо персонала обезболивающее, кричала: «Помогите мне!» Разумеется, безрезультатно. Ни физической, ни лекарственной помощи она не дождалась – в те времена это было не принято. Уверен, что сегодня даже в моей ветеринарной клинике ей помогли бы!

Отец при родах не присутствовал. Тогда это не практиковалось. Отцов в родильное отделение не пускали. Впрочем, он все равно был слишком занят работой. В больницу он приехал через пару часов после моего рождения и был очень доволен, что у него родился сын. И тут же снова вернулся к работе. Мама пробыла в больнице около недели, а за моим старшим братом и тремя сестрами все это время присматривала наша соседка миссис Данн, которая и стала моей крестной. Когда маму вместе со мной выписали, у отца не нашлось времени забрать нас из больницы – он был занят обрезкой рогов у скота. По его мнению, это была вполне уважительная причина. Я уже появился на свет, а забирать нас с мамой из больницы не было делом первостепенной важности. У отца на первом месте был скот, земля и все остальное хозяйство. Так было для него всегда, как и для его отца, и для отца его отца...

Отец как раз занимался дехорнингом – обрезанием рогов у коров брата Германуса, директора местной Школы братьев-патрикианцев для мальчиков, принадлежавшей католической общине Святого Патрика, в которую через двенадцать лет предстояло поступить и мне. Чтобы не отрываться от работы, он попросил брата Германуса забрать нас из больницы. Медсестры были немало удивлены, когда в родильном отделении появился священник в соответствующем одеянии с белым «римским» воротничком и в тапочках. Сияя улыбкой, он взял меня на руки, словно я был его ребенком, и радостно понес к выходу, не обращая внимания на недоуменные взгляды и перешептывания. Следом за ним шагала довольно растрепанная, измученная и ни в чем не повинная Рита. Без сомнения, пересудов и сплетен хватило на весь день, а то и два.

Честно признаюсь: во многом я – истинный сын своего отца, и внешне, и в том, что касается отношения к своей работе. Поскольку я вырос на ферме и с раннего детства работал рядом с ним, прекрасно понимаю, почему он счел обрезание рогов более важным делом. Видимо, он столкнулся с какой-то проблемой, связанной со скотом, которую мог решить только сам. Не сомневаюсь, что в его представлении брат Германус был надежным и достойным человеком, которому вполне можно поручить забрать из больницы жену с ребенком.

Давайте посмотрим правде в глаза: забрать нас мог любой, кто умел водить машину, а вот дехорнинг мой отец не мог доверить никому.

Я это понимаю. Честно говоря, я и сам повинен в этом грехе – неспособности делегировать кому-то часть своих забот о животных. И все же мне бы хотелось, чтобы отец приложил больше усилий к тому, дабы лично убедиться, что у нас с мамой все в порядке.

А с другой стороны, что ни делается, все к лучшему. Брат Германус наслаждался своей неожиданной ролью моего неофициального крестного отца. С тех пор я был его малышом, и

он ничто так не любил, как брать меня из колыбели, когда я плакал, и заставлять смеяться при виде зубных протезов, которые соскакивали с его десен. Мама кормила меня грудью только в больнице – всего неделю. Дома ей пришлось вернуться к хлопотам по хозяйству и к заботам о других детях, а счастливый, как ясный день, брат Германус сидел со мной на руках и кормил меня из бутылочки. Так что мои первые детские воспоминания связаны с зубными протезами, которые подпрыгивали от его восторженной радости каждый раз, когда он приходил к нам.

Потом, во время моего крещения, возникли некоторые разногласия по поводу выбора имени для меня. Отец хотел назвать меня Мартином в честь деда, но мама была с этим категорически не согласна. Она заявила, что в семье слишком много Мартинов, и упорно называла меня Ноэлем. Отцу это не нравилось, и он продолжал воинственно настаивать на своем. В результате в свидетельстве о рождении было записано: Мартин Ноэль Гальгани Фицпатрик. Мама хотела обеспечить мне защиту святого – в Ирландии это обычное дело. Отсюда появилось имя «Гальгани» в честь святой Джеммы Гальгани. Впрочем, мама всю жизнь звала меня Ноэлем – я был ее рождественским малышом. Так я Ноэлем и остался – и очень этому рад. Честно говоря, мама могла называть меня как угодно, потому что отец редко был рядом, когда я бодрствовал, – разве что по ночам, но и тогда он игнорировал детский плач. Маме приходилось справляться со мной, моим старшим братом и тремя сестрами, а порой еще с каким-нибудь ягненком или теленком, которого нужно было выкармливать из бутылочки в сарае или на кухне. Кроме того, отец вечно присылал ей рабочих, чтобы она их кормила, в дополнение ко всем своим заботам.

* * *

Мой отец вырос в большой семье – у него было девять братьев и сестер. Жили они в местечке Брокера, что в приходе Баллифин графства Лиишь, примерно в пяти милях от городков Порт-Лиише, Маунтрат и Маунтмеллик. Его отец и дед были фермерами. Они всегда выращивали практически все, что им было нужно. У них всегда была картошка, другие овощи и мясо, но денег им постоянно не хватало. Отец доил коров для местного фермера за полкроны в день – то есть за два шиллинга шесть пенсов. Став подростком, он скопил денег и купил овцу, но та умерла. Купленный теленок тоже умер. Тогда он подал заявление, чтобы стать местным почтальоном, но работы не получил, что стало тяжелым ударом по его самооценке. На жизнь он зарабатывал, отвозя на велосипеде в город салат и лук на продажу. В конце концов ему удалось купить овцу, которая не только выжила, но и принесла ягнят, что стало его первым шагом к фермерству. Он постарался как можно быстрее отделиться от отца и стал зарабатывать на жизнь, покупая и продавая коров и овец.

Отец любил овец и коров, но больше всего он любил «сделки». Ему очень нравилось этим заниматься. Торговля овцами, коровами и участками земли была делом его жизни. К тридцати трем годам, когда он женился на моей двадцативосьмилетней матери, он уже имел репутацию опытного скотовода и отличного торговца скотом. Наверное, в этом он преуспел больше, чем в чем-либо другом. В поисках удачных сделок он ездил по ярмаркам скота по всей Ирландии, но больше всего ему нравилось торговать в Маунтрате. Там у него было собственное стойло возле лавки О'Каллахана, известного поставщика продуктов и домашней утвари. Никому не было позволено занимать это место, кроме моего отца. Оно было первоклассным, поскольку там была самая большая проходимость, а следовательно, самая высокая потенциальная возможность продаж. Что бы ни было – град, дождь, жара (обычно дождь), – еженедельно, по средам, отец неизменно приезжал в Маунтрат заключать сделки.

Чтобы купить скот, папа путешествовал по всей Ирландии, чаще всего заключая лучшие сделки на Западном побережье. Он взял за правило приезжать раньше всех, чтобы опередить других перекупщиков. Он появлялся в портовом доке в тот момент, когда фермеры с западных

островов высаживались с парома вместе со своим скотом. Порой он отправлялся по дороге навстречу погонщикам, которые перегоняли скот с полуостровов на ярмарку на Юго-Западном побережье. Его целью было заключить сделку еще до того, как скот окажется на ярмарке, будь то в Листоуэле, Кахерсивине, Килларни, Каслайленде, Кинсейле, Макруме, Каслтаунбере или в других подобных экзотических местах. Он приобрел хорошую репутацию, и его услугами при отборе лучших животных часто пользовались многие крупные дилеры или те, кто занимался поставками животных на мясо.

Когда, поплевав на руки, стороны скрепляли устное соглашение крепким рукопожатием – так заключались сделки в те времена, – отец грузил купленный скот на поезд и отправлял в Порт-Лише. Там он нанимал пару погонщиков за сумасшедшие деньги – по три пенни за голову, – и те перегоняли коров в Маунтрат, где животные паслись на арендованном поле. В Баллифине он перегонял их лишь тогда, когда видел, что они готовы к забою – другими словами, он откармливал скот на мясо. А решив продать скот, он перегонял коров в ярмарочный день в уличное стойло в Маунтрате. Когда мы с братом подросли и научились управляться со стадом, перегонять коров стали мы. Во времена ярмарок меня еще не было – они были прикрыты в 60-е годы, уступив место специально оборудованным «рынкам скота». Я гнал скот с полей на рынок, и мне часто приходилось загонять коров в просветы между изгородями, чтобы пропустить тех, кто ехал по дороге.

Однако отцовская тактика заключения сделок имела и оборотную сторону. Иногда он покупал скот небольшими стадами и только дома обнаруживал, что ему подложили «бомбу». Однажды он купил у фермера с островов нескольких бычков-однолеток, и уже дома выяснилось, что один из них абсолютно слеп. Все было хорошо, пока он передвигался вместе со стадом, но на ферме в Баллифине он стал вести себя неадекватно. Этот слепой бычок сводил маму с ума. Она должна была присматривать за маленькими детьми в доме и одновременно стеречь этого безумного бычка, который был забаррикадирован в сарае за сломанной дверью. Естественно, ее миссия с треском провалилась, и бычок вырвался на волю, чтобы побродить по сельской местности. Отец был в ярости. В его представлении такие категории, как терпимость, сочувствие и понимание, не имели никакого отношения к фермерству и скотоводству.

В другой раз папа купил бычка с очень сильными хрипами в легких. Он этого не заметил, потому что продавец заплатил уличному музыканту с мелодикой, чтобы тот играл рядом. Мелодика извергала такой сиплый звук, что отец, естественно, не понял, что хрипит животное. Впрочем, такое случалось довольно редко, потому что, когда дело касалось овец и крупного рогатого скота, отец обычно был на высоте.

* * *

Кроме страсти к животноводству, отцу была присуща любовь к земле.

Казалось, что в его венах течет не кровь, а земля. Он был рожден на земле, среди животных, и ощущал кровное единство со всем этим.

Начав с малого, за свою жизнь отец купил четыре участка, которые и стали нашей семейной фермой. Все они находились в Баллифине. Первый был в Каппинраше – именно туда меня привезли через неделю после рождения. Когда мне было два года, отец купил Эскер в предгорьях Слив-Блум. Это место было нашим семейным домом на протяжении всего моего детства. Затем было приобретено еще два участка – ферма с домом рядом с нашими владениями в Каппинраше и бывшие приходские земли в Нокнакерне – Глиб.

Думаю, отец больше всего любил Глиб, вероятно, потому, что это был для него серьезный вызов, поскольку участок пришлось отвоевывать у болота, но и награда была соответствующая. Кроме того, там он отдыхал душой. Это было болотистое место на отшибе, в конце узкой длин-

ной дороги – тихая красота, нарушаемая только криками птиц. Торфяники и глинистую почву покрывал ковер из мха, на котором росли дикие орхидеи и пушица, а по краям были заросли камыша. Здесь можно было затеряться, забыв о времени, и с отцом такое часто случалось. Этой земле он посвятил двадцать лет жизни, осушая и рекультивируя заболоченные земли, чтобы сделать там пастбище для скота и выращивать ячмень и турнепс на корм животным. Он создал дренажную систему для отвода воды, пахал землю и выкорчевывал тонны упавших в болото старых рыхлых дубов, которые сохранялись там веками, создавая обманчивое впечатление надежности и заманивая в ловушку неосторожных фермеров с сенокосилками. Отец любил землю и очень любил труд.

Мы с отцом много дней провели в Глибе, от зари до темна работая над дренажной системой. Копали лопатами, иногда с помощью механизмов, длинные и узкие траншеи, которые выходили в большую канаву. Подобные дренажные стоки разделяли поля, как реки, а узкие траншеи мы копали елочкой на расстоянии семи футов друг от друга, как притоки этих рек. В узкие траншеи мы обычно закладывали керамические трубы диаметром 4 дюйма и длиной 12 дюймов. До появления пластиковых труб, которые можно присоединять друг к другу, керамические делались из обожженной глины. Перед тем как закопать эти трубы в траншеи, мы засыпали их гравием, и влага из болотистой почвы уходила по ним в дренажные канавы.

Думаю, что большую часть своей ранней юности я реально потратил на осушение Глиба. Конечно, мы часто помогали отцу все вместе, но больше всего я ценил те вечера, когда мы с ним оставались вдвоем. Мне нравилось находиться с ним в нашем оазисе покоя, где нам никто не мешал. Не то чтобы мы много разговаривали, гораздо важнее было то, что нельзя выразить словами: общность мыслей, понимающие взгляды, осознание того, что мы вместе делаем что-то особенное. И не потому, что нам приходилось преодолевать себя, работая в пронизывающий холод под дождем, важным и ценным нам казалось то, что мы – отец и сын – голыми руками отвоевываем эту землю у болот, делая ее пригодной для выращивания урожая и содержания животных. Нас объединяла преданность земле, и, несомненно, любовь к природе, и чувство единения с ней.

Если начинался сильный ливень, мы спешили укрыться в полуразрушенной хибаре посреди заболоченного участка. По слухам, там когда-то жила «Нелли-кукушка» – легендарный персонаж. Местечко было довольно зловещее. Домик стоял в зарослях ольхи и акации, терновника и кустов утесника, на месте вымершей в период голодомора деревни и кладбища, которое существовало здесь до конца 40-х годов XIX века. Когда мы копали рвы под дренажные трубы, нам часто попадались человеческие останки и старинная глиняная утварь. Рассказывали, что во время голодомора Нелли потеряла своих детей и по сей день ищет их. Честно говоря, я не очень-то верил в призраков, но мне всегда было как-то не по себе в этой заброшенной хибаре. А как-то вечером, подходя к дому, я заметил странную тень, мелькнувшую на нижней половине двери. В этом доме, как часто бывает в Ирландии, дверь была составной. Она открывалась, как в конюшне: нижняя часть оставалась закрытой, когда нужно было удержать детей внутри, а животных на улице. Верхняя часть обычно была открыта, чтобы дом проветривался (окна для этого были слишком малы, потому что стекло стоило очень дорого). К тому же через такую полуоткрытую дверь удобно было общаться с друзьями или соседями. Именно на нижней половине двери я и увидел зловещую тень старухи. Хотя летний вечер был довольно теплым, по моей спине пробежал холодок. Возможно, это просто была игра света и тени, но я был напуган. Много лет спустя, когда на месте хибары Нелли-кукушки началось строительство, там стали происходить странные вещи, и для освящения дома был приглашен священник. Мой брат воздвиг крест на краю поля, рядом с заброшенным кладбищем, чтобы почтить память умерших и упокоить их души.

Порой, когда мы прятались в этом доме от дождя, отец рассказывал мне истории о картофельном голодоморе и тяжелых временах. Он был удивительным рассказчиком и даже

поэтом, с языка которого всегда были готовы сорваться десятки стихотворений и мадригалов. Он декламировал их очень выразительно, проявляя недюжинное драматическое дарование. Но нам, детям, очень редко доводилось слышать эти драгоценные перлы. Однако иногда по вечерам, когда приходили гости, мы все усаживались вокруг костра и поджаривали хлеб на длинной вилке, а отец начинал читать старинную балладу – поэму, которой, казалось, не было конца, или народную сказку. У меня от восторга даже поджимались пальцы на ногах: мой папа, который со стороны кажется таким нелюдимым, на самом деле удивительный сказитель и поэт! Ему нравилось внимание слушателей. Казалось, в нем живут два разных человека: один – жесткий, требовательный и суровый фермер, а второй – виртуозный артист, утонченный и чуткий.

* * *

Я любил его рассказы, поэтому мне нравилось, когда в Глибе шел дождь. Но порой отец показывал свой крутой нрав. Помню, как он разозлился, когда я сломал деревянный шатун на ботворезке. Он страшно ругался, как будто я мог заметить в высокой траве торчащий из земли обломок болотного дуба, чтобы вовремя остановить трактор. Я пытался объяснить отцу, что эту деталь для того и сделали деревянной, чтобы она сломалась в подобной ситуации, и ничего страшного в этом нет. По мнению отца, я должен был обладать рентгеновским зрением и замечать в траве все препятствия. Надо сказать, что я до сих пор стремлюсь к этому «рентгеновскому зрению», столь необходимому в работе ветеринара-хирурга.

Со временем я научился неплохо водить трактор (по крайней мере, в собственном представлении). И моя уверенность в этом росла – к сожалению, слишком быстро! За всю жизнь я ни разу не слышал от отца нецензурной брани: он был человеком религиозным и не позволял себе такого, за исключением одного рокового дня в Глибе. Мне было двенадцать лет, тем летом я распрощался с детством и стал подростком. Мы только что закончили убирать ячмень и погрузили его в многотонный тракторный прицеп. Водителя зерноуборочного комбайна нигде не было видно. И тогда я в своей безграничной мудрости решил, что было бы неплохо вывести трактор на дорогу, чтобы он был готов к отправке в зернохранилище. Но я не учел, что трактор придется выводить на дорогу по узкому мостику через овраг, а для этого придется разворачиваться с прицепом налево. И с учетом длинной оси прицепа амплитуда его движения будет гораздо шире. Как вы думаете, мне это удалось? Конечно нет!

Я сделал слишком резкий разворот, прицеп накренился, его заднее колесо оторвалось от земли и перевалило через невысокий цементный бортик, какие обычно бывают на сельских мостиках через ручьи. Когда прицеп накренился, трактор затрясло, и я нажал на тормоза. Задняя ось нависла над цементным бортиком моста. Овраг был около восьми футов глубиной и шесть футов шириной, но в тот момент мне казалось, что с водительского сиденья я беспомощно смотрю в бездонную пропасть, и мое сердце падало в эту бездну. Прицеп завис, покачиваясь, словно гигантский маятник, наполненный ячменем, и был готов рухнуть вместе со всем грузом в ручей. Я был на волосок от того, чтобы потерять весь урожай. Меня следовало распять за подобную беспечность.

Вдруг я почувствовал, как трактор начинает крениться. А потом все произошло, как в замедленной съемке. Фаркоп¹ трактора заклинило. В моей голове промелькнули возможные варианты развития событий: если ось сломается или перекосятся фаркоп, прицеп может все же сорваться и перевернуться. А может рухнуть и сам трактор вместе с прицепом, и драгоценный груз окажется в ручье. Все варианты сводились к одному: трактор с прицепом неизбежно рухнет в овраг, и урожай ячменя будет унесен бурным потоком. Интересно, что о собственной неминуемой смерти я даже не задумывался.

---

¹ Фаркоп – устройство, используемое для буксировки легковых прицепов и караванов. – Прим. ред.

Пока я размышлял, слева появился несчастный комбайнер, пытавшийся перелезть через ограду, одновременно натягивая штаны: судя по всему, он справлял нужду на соседнем поле. Справа по дороге, отчаянно бранясь, бежал отец. Смысла его слов я не понимал, но опасался, что на этот раз порки мне не избежать.

В этот момент комбайнер застрял в ограде и свалился на землю, запутавшись в спустившихся до щиколоток штанах. Поднявшись, он подтянул брюки и кинулся ко мне и к балансирующему прицепу. Они с отцом подбежали ко мне одновременно. Прицеп продолжал раскачиваться. «Хватай цепь, Шон!» – крикнул комбайнер. Оба инстинктивно поняли, что нужно делать. Комбайнер кинулся к своей машине и подогнал ее к прицепу задним ходом. А отец схватился за цепь, которая, к счастью, оказалась обернута вокруг прицепного устройства комбайна, мгновенно намотал ее на крюк прицепа и скомандовал комбайнеру тянуть. Комбайн сдвинулся на несколько футов вперед, и прицеп перестал раскачиваться. Мое сердце замерло, когда я выбирался из кабины трактора. Комбайнер и отец подложили крепкие доски под колеса прицепа и медленно оттащили его от края моста. Помощь подоспела вовремя, и им удалось вытащить трактор с прицепом в безопасное место. Урожай ячменя не рухнул в ручей, но по моей уверенности в том, что я умею водить трактор, был нанесен сокрушительный удар.

Отец, понятное дело, был взбешен. Он никогда в жизни не то что не бил меня, но даже ни разу не шлепнул. Тем не менее я бы предпочел это словесной порке, продолжавшейся в течение нескольких дней.

Хотя я не могу припомнить, чтобы в годы моего детства отец хоть раз извинился или похвалил меня, если я что-то делал правильно, я знаю, что ему хотелось сказать что-то вроде фраз: “Я горжусь тобой” или “Я тебя люблю”.

Но с его стороны это скорее могли быть не слова, а действия типа одобрительного кивка или молчаливой улыбки, а не объятий с похлопыванием по спине, которые были не в его привычках, как и у большинства ирландских фермеров того времени. Так что в детстве я не ждал похвалы и не стремился к ней – эта черта характера свойственна мне и по сей день.

В детстве и юности папа почти ни о чем, кроме фермерства, со мной не говорил, хотя я знал, что он втайне гордится мной. Мама рассказывала, что он говорил об этом другим людям, но только не мне. И к моему старшему брату отец относился гораздо суровее, чем ко мне, потому что он был воспитан в культуре, где настоящим мужчиной считается тот, кто никогда не плачет; справляется со своей работой; делает все, что нужно, и не стремится к похвалам, признанию и вознаграждению.

Несомненно, папа старался заботиться обо мне, моем брате и сестрах как можно лучше – как физически, так и финансово. Он оплачивал одежду и книги, которые были нужны для школы, и не раз помогал мне деньгами, когда я учился в университете. Но однажды был один особый случай, когда он дал мне что-то просто так, а не потому, что был обязан обеспечивать. Это произошло на мой десятый день рождения. Я до сих пор помню блеск в его глазах, когда он вручил мне синюю коробочку с часами Timex. Часы были круглыми, на коричневом ремешке. Отец просто протянул мне коробочку в коридоре нашего дома, кивнул и улыбнулся. Я открыл ее и, вне себя от радости, хотел обнять его, но он отступил назад, еще раз улыбнулся и ушел. Объятия были не для него.

Мама и папа обожали всех своих шестерых детей, в этом не было никакого сомнения. Но для них – а в то время и для всех ирландцев – объятия, поцелуи и другие физические проявления любви и симпатии были просто неприемлемы. Как только мы могли твердо стоять на ногах, мы сразу включались в жизнь фермы. Слабость и зависимость от постоянной лестницы или уговоров в нашей семье не поощрялись. За все свое детство я лишь раз видел, как мама и отец обнимались на кухне, да и то случайно, потому что я вошел неожиданно для них. Полагаю,

что они обнимались чаще, чем я думал, ведь у них было шестеро детей. Просто публичная демонстрация привязанности в то время не считалась нормой поведения.

К старости отец немного смягчился. Когда я приезжал их навестить, мы добродушно подшучивали друг над другом. Наши отношения стали более дружескими, чем раньше. Оглядываясь назад, я радуюсь, что у нас появилась возможность посмеяться друг с другом в поздние годы жизни отца, когда я перестал быть его подручным на ферме или «сыном, который хочет стать ветеринаром». Но обниматься он по-прежнему не любил. Как-то раз, когда мы вернулись с мессы, по дороге с которой я позволил себе неуместные замечания по вопросам, касаемым Книги Бытия, мне захотелось обнять его на кухне. Это было физическое проявление моей готовности согласиться с его непримиримой точкой зрения, хотя сам я никогда не верил в «огненный шар» гнева Господнего. Отец буквально замер. Он не знал, как вести себя при такой демонстрации любви и уважения за верность своим убеждениям. И я отступил назад. Наверное, поэтому, став взрослым, я так часто обнимаю людей. Похоже, я изменил отношение к некоторым ценностям, но, кроме того, я верю в силу искренних объятий, ведь в них половина успеха в деле оздоровления человека – не тела как такового, но сердца и души.

В эмоциональном плане я сильно отличаюсь от своего отца – я иногда плачу и люблю обниматься, – но физически мы очень похожи, и у меня такая же привязанность к земле, которая, как и у него, течет по моим венам вместо крови. Когда я впервые увидел поле и покосившиеся фермерские постройки, которые должны были стать местом действия еженедельной программы «Супервет», я сразу ощутил какую-то первобытную связь со всем этим. Увидев эти ветхие амбары, я мгновенно понял, что это мой духовный дом, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы осуществить здесь свою мечту. Я решил, что должен сделать это место своим, заботиться о нем и развивать, вдохнуть в него новую жизнь, восстановив и снова заселив животными.

Когда мы строили нашу клинику, то не могли изменить ни дюйма окружающего пространства, поскольку эти земли являются частью охраняемой зеленой зоны. Оказалось, что это даже хорошо. Я обрел свой оазис покоя, как тот, что был у нас с отцом в Глибе. Я нашел собственный Глиб. Каждый день я ощущал себя невероятно счастливым, наблюдая за сменой времен года на этом поле. Бедный папа был бы потрясен, узнав, сколько я заплатил за каждый квадратный фут этой земли. Покупка земли для клиники Фицпатрика была очень далека от «хорошей сделки», которую мог бы одобрить отец. Но мне это было необходимо!

Я очень рад, что отец однажды посетил это место, когда строительство шло полным ходом. Он был одет в свой синий воскресный костюм с лучшим носовым платком в нагрудном кармане, а его седые волосы были аккуратно причесаны. Он важно расхаживал по территории, заложив руки за спину, как помещик-аристократ. Нам с мамой, которая приехала с ним, было очевидно, что он очень горд, хотя и не признается в этом. Думаю, он был отчасти разочарован тем, что я не остался в Ирландии, став там известным ветеринаром и фермером, хотя я и заметил гордый блеск в его глазах.

Я благодарен судьбе за то, что смог показать ему, что я здесь создал.

Не знаю, понял ли он, когда я сказал ему, что один уголок здесь сделан специально для него. В то время все, включая банк, твердили, что мой план оборудования уютного лекционного зала на втором этаже перестроенного сеного амбара – это неразумное использование пространства. Поскольку местные власти позволяли только рестраивать, не возводя ничего нового, нам пришлось ошкурить старые ржавые фермы, которые поддерживали здание, и спрятать их в стены. Я хотел, чтобы это место стало источником вдохновения и просвещения, потому что старый амбар в точности напоминал наш сеной сарай в Баллифине, где отец частенько обучал и воодушевлял меня.

* * *

Если во время уборки сена или силоса начинался дождь, мы с отцом часто прятались на чердаке под крышей сеного сарая, что был рядом с нашим домом. Только здесь отец иногда наставлял меня и делился со мной своей житейской мудростью. В остальное время поладить с ним было нелегко. Он был сложным человеком – добрым и чутким, но одновременно резким и вспыльчивым. Во многих отношениях он был чрезвычайно чувствителен, но эмоции предпочитал держать при себе. Многие его не любили, потому что он вечно «раскачивал лодку» – другими словами, всегда говорил то, что думал, и действовал по велению своего сердца, оставаясь верным своим убеждениям и не заботясь о том, что это может обидеть других (зачастую так и случалось). Строго отчитывая кого-то, он в то же самое время мог быть добр и внимателен к другому человеку. Но в те редкие минуты, когда мы с ним прятались от дождя на сеновале, он иногда смягчался и давал мне отеческие советы, которые я помню и по сей день. Например, что я должен грести на собственном каноэ и никогда не вступать в партнерские отношения. На самом деле он говорил, что человек никогда не должен ни к кому присоединяться – разве что для молитвы, потому что, если дела пойдут неважно, партнер всегда может встать и уйти. И еще он говорил, что, по мере того как он слабеет, я становлюсь все сильнее, но мне нужно усвоить, что сила духа гораздо важнее физической силы. Поэтому я должен научиться всему, чему только смогу, так как знания никогда не бывают тяжким грузом, потому что они ничего не весят, но обладают огромной ценностью. Помню, как он наставлял меня, чтобы я никогда не привязывался к материальным вещам, а потом смутился, когда я спросил, почему же он сам так привязан к ферме, земле и животным. Тогда он ответил: «Это другое дело. Это не привязанность, это образ жизни». Его слова сильно повлияли на мое отношение к жизни и к моей профессиональной деятельности: я не дорожу ничем материальным, а эмоциональную привязанность к животным и людям считаю просто образом жизни. Это моя судьба.

Некоторые отцовские советы, несомненно, были оправданными. Если бы у меня был партнер по бизнесу, я бы не смог вкладывать в дело каждый заработанный пенни, поскольку деловое партнерство обычно предусматривает определенные дивиденды. Я не смог бы создать стипендии по всему миру, чтобы замечательные люди, которыми я очень горжусь, могли продолжить учебу, в частности в университетах Огайо и Флориды. Я не мог бы иногда делать бесплатные операции – ежу, сарычу, пингвину, достойной кошке или собаке. Да, наверное, хорошо иметь партнера, с которым можно делить риски и стрессы, но если бы я не работал в одиночку, как советовал отец, то клиники Фицпатрика, скорее всего, не было бы. Порой я шел на неоправданный риск и совершал ужасные ошибки, но делал их сам и отвечал за них тоже сам. И теперь я могу сказать: «Спасибо, отец, за мудрый совет, который ты дал мне, когда мы прятались от дождя в сарае. Хотя на моем пути было немало трудностей, поскольку я, как и ты, начинал практически с нуля, – а это, как тебе хорошо известно, нелегко, – оно того стоило».

Девизом отца в хозяйстве было: ничего не выбрасывать и ничего не покупать. Он всегда был очень бережливым и экономным человеком. Много лет он подвязывал штаны одной и той же бечевкой, а когда она рвалась или становилась слишком короткой, он не выбрасывал ее, а связывал ею ворота. Он был скопидомом высшей квалификации – и я такой же. А если бы я таким не был, то многое мне не удалось бы, потому что у меня не было бы запасов, припрятанных в Нарнии (так мы называем кладовку в моем офисе).

Отец никогда до конца не понимал, чем я мотивировался в своей работе, но именно он сделал меня таким, каков я есть, и мне интересно, видел ли он когда-нибудь себя во мне. Но главное – он научил меня извлекать максимум пользы из того, что я знал и умел, и упорно трудиться. В пору моей юности мы с отцом, привязав бечевкой мешки к коленям и икрам, горбились под дождем и градом, ползая по бороздам и пропалывая турнепс. Прополка турнепса –

нудная, грязная и тяжелая работа. Я это просто ненавидел. Время от времени мне случалось вместе с сорняками выдергивать и маленькие корнеплоды. Стараясь побыстрее справиться с работой, я совершенно забывал о ее цели – формировании ровных рядов турнепса с разумным расстоянием между растениями, чтобы не допустить преступного растрачивания плодородной земли. Заметив мою оплошность, папа на мгновение останавливался, поднимал голову и, глядя мне в глаза, глухо произносил: «Я все слышу!» Много лет я гадал, как ему удавалось слышать, что я под проливным дождем выдернул из земли маленький турнепс. Лишь недавно я понял, что он, разумеется, не мог ничего слышать. Просто он замечал, что я на мгновение замираю, выдернув турнепс. Честно говоря, к концу дня я уже не замечал разницы между турнепсом и сорняками. У меня болели колени и руки, но отец упорно продвигался вперед, чтобы закончить последние грядки до темноты. И я страдал молча – за исключением разве что пары случаев. По моему мнению, отец был лучшим пропальвателем турнепса из всех, кто когда-либо занимался этим делом.

В моей памяти запечатлелся один такой вечер, когда после бесконечного ожидания наступления темноты я, наконец, поднял глаза и заныл: «Папа, у меня уже все руки в занозах и шипах!» Он остановился, поднял голову от грядки, оглянулся и произнес бессмертную фразу, которая осталась со мной навсегда:

“Продолжай, Ноэль! Уверю тебя, когда твои руки соберут достаточно шипов, для новых уже не останется места. Продолжай!”

Так мы и поступили – продолжили работать.

Отец научил меня, что упорным трудом можно добиться чего угодно, сколько бы шипов ни встретилось на твоём пути. Когда в своей взрослой жизни я сталкивался с трудностями, я всегда мысленно повторял этот его афоризм. Я помню, сколько болезненных уколов шипов мне пришлось претерпеть, прежде чем боль притупилась.

Став старше, я понял, что наши с отцом судьбы во многом схожи. Он начинал практически с нуля и всего добился сам благодаря своему уму, настойчивости и упорному труду. Я шел тем же путем, с детства осознавая, что в жизни ценно только то, чего добился сам. Отец был женат на своем фермерском хозяйстве, я – на своей врачебной практике. У него была кровная привязанность к земле, у меня – преданность животным. Он никогда не считал свой труд работой – это был его образ жизни. Точно так же и в моем случае: ветеринария никогда не была для меня работой, но призванием, не обязанностью, а всегда привилегией. Я часто думаю об этом, особенно когда в очередной раз опаздываю на званый ужин, светское мероприятие или свидание из-за какой-то операции. Став ветеринаром, я никогда не думал, что каждый день буду «проводить на работе» определенное количество времени. Я благодарен судьбе за возможность быть ветеринаром и каждый день заниматься любимым делом. И я абсолютно уверен, что мне крупно повезло в жизни.

Я буду вечно благодарен отцу за то, что он привил мне основы своей трудовой этики. Если бы он этого не сделал, я не стал бы тем, кем являюсь сейчас. И все же мне хочется думать, что за все эти годы я и сам научился контролировать свое настроение и темперамент, сдерживая раздражительность, которая накапливается за долгие часы, проведенные за операционным столом, или за работой по ведению бизнеса. Но я первым признаю, что мне не всегда удается одержать над собой победу. Порой я бываю сварливым старым барсуком, особенно когда меня расстраивает клиент или возникает кризис в отношениях с коллегой, либо операция пошла не по плану. Случается, что все одновременно начинают чем-то меня забрасывать – банк, юристы, клиенты. Но чаще всего я злюсь из-за того, что некоторые не видят всей полноты картины: животные имеют значение, как и люди, и большое значение имеют животные в жизни людей. Каюсь, иногда я приносив эти негативные эмоции в аудиторию, как случалось с отцом на ферме. У него это происходило, вероятно, потому, что он жил и дышал своим делом, как и

я своим. Но я борюсь с собой и надеюсь стать лучше. Теперь, заходя в свою спальню, я кладу голову на подушку, делаю глубокий вдох и пытаюсь изменить эпизоды фильма, который прокручивается в моей голове. Иногда я даже молюсь.

* * *

22 августа 2006 года я работал в первой клинике Фицпатрика. Это был небольшой дом в окружении леса в Тилфорде, графство Суррей. Раздался телефонный звонок. Мне сообщили, что отец в больнице, в тяжелом состоянии. Я выбежал из кабинета в лес и долго бежал, пока не стемнело. Тогда я упал на колени и зарыдал. Мой герой умирал. Я плакал и плакал до тех пор, пока слез больше не осталось. Я никак не мог принять то, что произошло.

Отец был на заднем дворе, присматривал за скотом, когда внезапно потерял сознание и упал. Через несколько дней он умер, так и не придя в сознание. Я сидел у его постели в больнице Порт-Лишша – той, где когда-то появился на свет, – и был придавлен ощущением собственной беспомощности. Меня не было рядом, чтобы поднять его, когда он упал. Я виноват. Держа его за руку, я шептал ему на ухо, не зная, слышит ли он, как не знаю этого и теперь. Я говорил, что очень его люблю, что благодарен за все, что он для меня сделал и на что он меня благословил. Я знал, что он делал все, что было в его силах. 25 августа мама сказала, что заметила «перемену» во второй половине дня, и через два часа отца не стало. Мой папа, главный человек в моей жизни, которому я всегда так старался подражать, просто перестал дышать. Мама держала его за руку. Вся семья собралась вокруг него. Ему было восемьдесят два года, но в моем сознании и в моей душе он был нестареющим. Он был для меня великим человеком, моим отцом, моим героем.

Внезапная смерть отца была для мамы очень тяжелым испытанием. Она не смогла с ним проститься. Ей отчаянно хотелось, чтобы он сказал, что делать со скотом и фермой. Несколько лет ее мучили кошмары. Все переживают горе по-разному, но я знаю, что исцеляющие слезы пришли к нам с мамой гораздо позже, а пустоту, образовавшуюся в наших сердцах, ничто не смогло заполнить. Не было осознания конца, не было прощания. Иногда, столкнувшись с очередным кризисом, я начинаю плакать без причины, всем своим существом желая поговорить с ним. Очевидно, у него произошло кровоизлияние в мозг, он даже не успел ничего почувствовать. Ему повезло. Именно так он и хотел умереть – за работой. Отец никогда не хотел уходить на покой, умирать от болезни и быть для кого-то обузой. Я воплощал свою мечту, как он и хотел, даже если он до конца и не понимал, что это за мечта. Жаль, что я не могу спросить его, что он думает о том, чем я занимаюсь сейчас.

Надеюсь, он сейчас где-то в параллельной вселенной, где много коров и овец, за которыми можно присматривать, а еще есть заболоченные земли, которые нужно рекультивировать. Мне так хочется сказать ему, как я его уважаю и люблю, хотя при его жизни мы никогда не говорили об этом.

Если бы я мог сейчас с тобой поговорить, папа, я бы сказал очень многое. Я понимаю, почему ты не смог забрать малыша Ноэля и маму Риту из больницы. Потому что дело, которым ты занимался, нельзя было поручить никому другому. Мне тоже трудно поручать операции другим, но когда я думаю, что ты присматриваешь за мной сверху, я чувствую себя лучше. Если мне когда-нибудь выпадет счастье иметь ребенка, я обязательно буду присутствовать при его рождении. Нежно держа в руках эту драгоценную маленькую жизнь, я буду думать о тебе. Закрыв глаза, я представляю, как ты говоришь мне: «Я горжусь тобой, Ноэль». А я отвечу тебе: «Я тоже горжусь тобой, папа!» Я скучаю по тебе. Ты всегда со мной – в моих мыслях и в моем сердце.

3. Малиновка и каштан

Детство в Баллифине

Как только я стал ползать, вскоре я пошел, а стоило мне пойти, как я побежал, ну а как только я научился быстро бегать, я начал лазать по деревьям. Мне нравилось забираться на самую верхнюю ветку огромного каштана, который рос за нашим домом. Я всегда знал, что там есть что-то еще, и я должен просто залезть повыше, чтобы это увидеть. Я выдолбил сердцевину из обрубка тонкого бревна и сделал подзорную трубу, которую примостил в ветвях старого каштана, чтобы всматриваться в далекие края, созданные моей фантазией.

Однажды на мою подзорную трубу уселась крохотная красногрудая малиновка, и я представил, как улетаю вместе с птичкой навстречу приключениям, которые ждут нас впереди. Глядя в воображаемую подзорную трубу, я мечтал, что летаю по всему свету со своим верным спутником мистером Робин² и помогаю всем раненым и больным животным. Эти животные оставляли мне тайные послания на листьях – что-то вроде такого природного факса, – прочесть которые мог только я, чтобы потом найти несчастных и вылечить от разных болезней. Увидев на земле упавший лист, я представлял, что это письмо от какого-нибудь животного за пределами нашей фермы. Сидя на своем дереве, я фантазировал о чудесных приключениях с мистером Робин. Когда птичка улетала, мои мечты и надежды летели вслед за ней. Эта малиновка – или кто-то из ее родственников – часто меня навещала. Я спешил из школы, чтобы залезть на дерево и посмотреть, там ли она. На протяжении многих лет с тех пор, как я впервые встретился с мистером Робин, эти общительные маленькие птички были для меня хорошим предзнаменованием. Малиновки появлялись в самые разные моменты моей жизни – в счастливые времена они становились вестниками успеха, а в моменты страха и печали были моими спасителями.

Конечно, я часто падал с дерева, но ничто не могло помешать мне снова забраться в мое поднебесное убежище. К счастью, тяжелых травм я не получал, но порой мне кажется, что тот период детства, когда я любил карабкаться по деревьям, повлиял на мой выбор профессии ортопеда и нейрохирурга. Хотя я был еще слишком мал, чтобы увидеть в этом предвестие будущего, мне всегда было интересно, как устроен скелет – его механическая работа.

Меня буквально завораживали кости, особенно процесс их заживления.

На рентгеновском снимке они казались такими безжизненными и инертными, но при этом обладали способностью расти и восстанавливаться. В детстве я с любопытством тыкал пальцем в собственные синяки и с интересом наблюдал, как отец чинит сломанные кости ягнят с помощью шин, сделанных из дощечек и бечевки. Мне казалось, что это чудо.

И мне тоже хотелось уметь вправлять суставы и заставлять срастаться сломанные кости. Тогда я еще не имел ни малейшего представления о законах биологии. В начальной школе такому не учили. Это была тайна – интригующая и завораживающая. Я рос в мире, где животные и ферма были неотъемлемой частью жизни семьи. И в моем сознании не было раздельной черты между жизнью и смертью, потому что я постоянно был свидетелем и того, и другого. Но, несмотря на это, страдания животных меня сильно трогали. Каждый раз, когда я видел животное со сломанной ногой, я ощущал его боль, как свою собственную, и не понимал почему. На каком-то глубинном уровне я просто не мог выносить страданий живого существа.

---

² С английского «robin» переводится как «малиновка». – Прим. ред.

Ферма – это место, где отношение к животным неизбежно прагматичное. Каждое животное имеет свое предназначение: овец и коров попросту не разводили бы, если бы не молоко и мясо, которые от них получали. В конце концов, все животные, кроме нашей овчарки и нескольких кошек, которых я обслуживал, доил, кормил, пас и лечил, делая им уколы, предназначались для еды. В детстве я не имел никаких оснований сомневаться в этом. Я принимал все как должное, потому что это было заложено во мне на генетическом уровне. Я видел, как охотятся на кроликов и убивают крыс и мышей. Когда я достаточно окреп, мне приходилось держать ягнят во время кастрации и удерживать щипцами ноздри крупного рогатого скота, пока отец спиливал рога. Я слышал визг свиней, когда отец их кастрировал; видел, как забивают овец, которых я помогал выкармливать из бутылочки; видел, как скот палками и хлыстами загоняют в грузовики и отправляют на бойню. Так было на нашей ферме, да и на любой другой. Это был мой мир, мой образ жизни. Однажды я даже слышал, как мужчина топил щенков на скотном дворе. Тогда я еще был мал, и это нанесло мне такую душевную травму, которую не передать словами.

В параллельной вселенной, которая существовала в моей голове, я спасал всех животных, какими бы больными, израненными и брошенными они ни были. С раннего детства я задумывался над тем, чтобы когда-нибудь стать ветеринаром. Я всегда с восхищением наблюдал, как наш ветеринар мистер Макинерни лечит скот. Меня поражало, откуда он знает, какую из множества бутылочек, хранившихся в багажнике его машины, нужно использовать. Он вводил в вену коровы волшебное зелье, и она выздоравливала. Я задавался вопросом, смогу ли когда-нибудь сделать нечто подобное.

* * *

У меня четыре сестры и брат. Джон, Мэри и Фрэнсис родились один за другим, с разницей в год. Через пять лет родилась Грейс, еще через два года появился на свет я, а через два года после меня – моя младшая сестра Жозефина. Мы, трое младших, вместе учились в сельской начальной школе в Барнашроне, которая находилась всего в нескольких милях от нашей фермы и была абсолютно безопасным местом. Если позволяла погода, мы ходили туда пешком, а зимой родители нанимали микроавтобус, который собирал детей с разных ферм, чтобы отвезти в школу, а потом развезти по домам.

Когда Грейс отправилась в среднюю школу-интернат, мне оставалось учиться еще два года, и мы стали ходить в школу вдвоем с Жозефиной. Мы с ней были лучшими друзьями и заклятыми врагами – извечное соперничество между братом и сестрой. Однажды мы подрались из-за заветного «хлыста» – гладко обструганного гибкого ствола дерева, который мы использовали для выпаса коров. Я дразнил сестру, сидя в отцовской машине – сером «Моррис-Миноре» – и высовывая кончик хлыста из окна. Жозефина ухватилась за него, а я, чтобы не дать ей завладеть заветным трофеем, резко закрыл окно. Хлыст-то не пострадал, а вот окно автомобиля разлетелось вдребезги. Папа разозлился на нас обоих, хотя это была моя вина. На следующий день мы отправились в соседний городок Маунтмеллик. Отец оставил машину в нескольких футах от лавки О'Донахью и запретил нам выходить из нее. Мы сидели в запертой машине и с тоской смотрели на журнал комиксов «Бино», который искушал нас бесплатным приложением в виде перчаточной куклы Гнашера, прикрепленной к обложке с изображением лукавого лица Дэнниса-проказника. Мои страдания усугублялись тем, что Жозефина на той же неделе уже получила заветный комикс, и, к своему стыду, я украл и спрятал прилагавшуюся к нему перчаточную игрушку – из чистой зависти. Хотя и незаконно добытая, эта тряпичная собачка стала моей любимицей – и я готов был на нее бороться! Я сознался Жозефине в своем преступлении лишь несколько лет назад и с тех пор все время пытался загладить свою вину, но до сих пор не уверен, что она меня простила.

Барнашронская начальная школа была очень маленькой. В моем классе учились три мальчика, включая меня, и три девочки, а всего в школе было не больше тридцати пяти учеников. Я был маленького роста и ничем особенным не выделялся. Помню, что каждый раз, когда собирали футбольную команду, я оставался в стороне. Меня не выбирали никогда, за исключением случая, когда один мальчик заболел. И – о чудо! – мне удалось забить гол! Это был самый замечательный день за все время, проведенное в начальной школе.

Я стал посещать эту школу с четырех лет и проучился там восемь лет. Первые четыре года все шло хорошо, но потом у нас сменился учитель, и тут мне пришлось нелегко. Начальная школа – с точки зрения педагогики – самый важный этап формирования личности ребенка. Но мне казалось (и до сих пор кажется), что в эти драгоценные годы – с восьми до двенадцати лет – я слишком многое недополучил. Почти все время мы проводили, распевая псалмы и гимны и молясь с четками в руках, носили дрова, чтобы поддерживать огонь в камине, и подкладывали бутылки с горячей водой за спину учителя.

А еще мы делали всевозможные игрушки из подручных материалов, но арифметике, письму и чтению нас учили из рук вон плохо. К сожалению, практическая и интеллектуальная польза от такого обучения была слишком мала. За мельчайшие проступки нас сурово наказывали. Телесные наказания были нормой, и я частенько получал пару ударов длинной тонкой палкой. Самое суровое наказание – двадцать ударов – я получил, когда меня заподозрили в краже.

Мы делали игрушечную мебель из прищепок для белья. Аккуратность всегда была моей сильной стороной, и мне удалось сделать отличное кресло-качалку. Когда лак просох, я забрал свою поделку с подоконника, чтобы отнести домой. Но одна из одноклассниц заявила, что это кресло сделала она, и учитель, не разбираясь, поставил меня перед классом, велел вытянуть руки вперед и двадцать раз ударил розгой по раскрытым ладоням – десять по левой и десять по правой. Я на всю жизнь запомнил это несправедливое наказание.

Мне очень жаль, что мои воспоминания о начальной школе связаны скорее с чувством несправедливости, чем с получением каких-либо полезных знаний. В двенадцать лет я писал в тетрадях в линейку, как восьмилетний ребенок. А хуже всего было то, что я не понимал, что ничего не знаю, и считал это нормой. Наказания назначались от имени Бога. Школа была религиозной, и я не припомню, чтобы кто-то усомнился в справедливости того, что происходило. Никто, включая моих родителей, не видел в этом ничего особенного. В то время во имя Бога и церкви порой делалось такое, о чем лучше не вспоминать.

Начальная школа почти ничему меня не научила. Трудно сказать, подстегивало ли это меня впоследствии, заставляя упорно наверстывать упущенное, или, наоборот, мешало, но это точно усложнило мое обучение как в средней школе, так и в дальнейшем. Одно из ощутимых и по сей день последствий – мой чудовищный почерк.

* * *

В 1972 году, после смерти моего деда Джона, к нам переехала бабушка Энни, мамина мама. Она была очень элегантной дамой, и мы заботились о ней до конца ее дней. Мы возвращались домой из школы, обедали, а потом вместе с мамой и бабушкой молились, перебирая четки, как это делали во всех католических ирландских семьях. Потом каждый получал задания по хозяйству – принести торф для очага или заняться делами на ферме.

В 70-е годы сельские семьи в Ирландии не имели возможности обучать своих детей каким-то дополнительным навыкам, кроме жизненно необходимых. Сегодня мои друзья обучают детей игре на гитаре, отправляют их на уроки карате, плавания, танцев и футбола. И мне очень жаль, что я был лишен этого в детстве. У нас было несколько занятий по плаванию, но меня они привели в ужас, и никто не попытался это исправить. Я и сейчас плаваю очень

неважно. Мне очень хотелось заниматься в драмкружке, но подобные вещи не входили в список приоритетов моих родителей.

Мне нравились комиксы, где было много картинок и мало слов, они в полной мере соответствовали моим ограниченным навыкам чтения. Я держал их в тайнике под кроватью и в своем розовом деревянном стенном шкафу. Покупал я их на деньги, полученные за помощь фермерам на рынке скота. А иногда мне удавалось приобрести их на периодической школьной распродаже комиксов, где мы продавали свои старые книжки и покупали другие. Честно говоря, я думал, что комиксы – это мой секрет, но только до тех пор, пока не подросла Жозефина и не стала их у меня таскать. Узнав об этом, я был вне себя, но, к счастью, у нас оказались разные интересы. Она предпочитала «Бино» и «Дэнди», а я обожал комиксы «Марвел» – «Люди X – самые необыкновенные супергерои!». Моим любимым героем был Росомаха. Впрочем, комикс «Бэтмен и Робин» мне тоже очень нравился. Я был страстным поклонником всех супергероев, особенно тех, которые умели волшебным образом восстанавливать свои кости или летать! Я знал, что Бэтмен и Росомаха отличались от всех людей. Они чувствовали, что их не понимают. Бэтмен всю жизнь искал любовь, которую утратил с гибелью родителей, а Росомаха вообще был мутантом с металлическим эндоскелетом и обладал способностью самоисцеляться.

Я убежал в мир комиксов, потому что мечтал о мире, в котором супергерои смогут спасти всех.

Когда в своих мечтах я улетаю с мистером Робинсом с нашего каштана, нас часто сопровождали любимые супергерои. Мистера Робина, естественно, сопровождал Бэтмен, но порой появлялись Росомаха и его товарищи. Вместе мы обладали способностью исцелять – мне этот дар казался самым удивительным из всех!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.